

Труфанов С. Н.

Почему В. Гегель писал свои произведения малопонятным языком?

Опубликована в журнале: "Вестник РФО" №4, 2005, с. 193-196.

Чтобы ответить на вынесенный в заголовок вопрос, надо обратиться к той эпохе, в которой жил Гегель, к тем внешним условиям, в которых ему приходилось работать. Но прежде необходимо прояснить суть того, что сделал этот человек: зачем и с какой целью он создал свою научную систему.

1. Во второй половине XVIII века французские учёные Д'Аламбер, Дидро и другие, собрав вместе все известные к тому времени научные понятия, разные факты и сведения, свели все эти материалы в одну книгу, где расположили их постатейно в простом **алфавитном** порядке. Так появился на свет первый *энциклопедический словарь*. Спустя несколько десятилетий немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте предложил иной принцип всеохватывающей систематизации научных понятий – в порядке **логической** преемственности их смысла, где из одного понятия должен вытекать смысл другого, из него – третьего, и т.д. Реализации именно этого проекта Вильгельм Гегель посвятил свою научную деятельность, творческая фаза которой пришлась на первую треть XIX столетия.

2. Заслуга Гегеля состоит в том, что он впервые в истории разобрал и систематизировал все те разрозненные знания о природе и о самом человечестве, которые уже были накоплены к тому времени. Благодаря этому он привёл в порядок арсеналы человеческого разума, выстроил понятия и определения, посредством которых мы осмысливаем окружающий мир и передаём друг другу информацию, по принципу логической преемственности их смысла.

Не менее важным является также то, что проделал он эту работу весьма своевременно, не упустив подходящий для этого момент. Мало знаний – плохо, много знаний – тоже плохо. При недостатке знаний их **ещё** нельзя привести в разумный порядок, при избытке – **уже** невозможно. В годы жизни Гегеля европейские страны находились как раз на том уровне развития, когда данную работу уже не только пора было начинать делать, но ещё и можно было сделать. В более зрелом возрасте – а за последующие два столетия человечество взрослело не по дням, а по часам – проделать её никому бы уже не удалось (что, собственно, и подтвердила дальнейшая история).

Не только каждому входящему в жизнь молодому человеку требуется по достижении определённого возраста начинать разбираться в мире и в самом себе, что достигается только посредством собственного ума и в его пространстве, но и всему человечеству тоже. Вот эта громаднейшая работа по **введению** всего рода человеческого **в ум** была начата именно Вильгельмом Гегелем. А сама процедура наведения в нём (в уме) порядка воплотилась в специальную науку, которую он создал. Благодаря появлению такой науки, человечество обрело возможность осуществить назревший шаг в своём развитии – перевести мышление со ступени рассудка на ступень разума.

3. Главным или, как принято теперь говорить, *системообразующим* произведением Гегеля является его трёхтомная "Энциклопедия философских наук". В ней он в **краткой, тезисной** форме выстроил в единый логически последовательный ряд все те понятия и определения, посредством которых мы осмысливаем наш мир и передаём друг другу информацию. Из "Энциклопедии" вытекают и к ней сводятся все другие его произведения, в которых более подробным образом излагаются её отдельные разделы. (Что касается его первой большой работы – "Феноменологии духа", которая стоит как бы особняком, то она является лишь первоначальным вариантом построения его научной системы, и не более. От

этого варианта он впоследствии отказался в пользу того, который был реализован им в "Энциклопедии философских наук".)

4. Созданная Гегелем наука представляет собой логически упорядоченный свод всех эксплуатируемых человечеством понятий. В силу данного качества она имеет для нас (для нашего времени) исключительное значение. Все те проблемы и кризисы, которые охватили духовную сферу современного общества: в науке, в образовании, в мировоззрении, в понимании собственной истории, в создании нового поколения компьютерных программ и т.д., имеют одну причину – первозданный беспорядок, который ещё царит в содержании нашего сознания. Соответственно, чтобы преодолеть все эти проблемы, необходимо первым делом привести данное содержание в разумный порядок. Вот эту задачу позволяет решить разработанная Гегелем наука.

Аналогов ей нет и не будет. В настоящее время, когда в крупнейших библиотеках мира насчитываются десятки миллионов единиц хранения, никто ничего подобного сделать уже не сможет. Заложить основы грамматики разума можно было при том уровне науки, современником которого был Гегель. Соответственно, и выход теперь существует только один: возвращаться назад к его работам и, отталкиваясь от них, решать проблемы наших дней. Не может человек в 20-летнем возрасте в одночасье поумнеть, если этот процесс не начался у него в более ранние годы. То же самое относится и к процессу "взросления" всего рода человеческого. Без опоры на созданную два столетия назад научную систему Гегеля мы сегодня уже не сможем навести порядок в содержании нашего разума.

5. К сожалению, все работы этого величайшего рационалиста планеты оказались написаны невероятно трудным языком. Настолько трудным, что их содержание оставалось закрытым для понимания нескольких поколений. Почему это произошло? Почему, прекрасно зная об этом недостатке своих произведений, Гегель не предпринимал никаких существенных шагов для его исправления? Почему до конца жизни он так и продолжал выражать свои мысли в малопонятной для читателей и слушателей форме?

Долгое время я полагал, что причина этого заключалась: а) в новизне начатой им работы и б) в её объёмности. На этом я сделал упор в предисловиях к обоим своим книгам¹. Но теперь, имея перед глазами собственный вариант его доступного изложения, я прихожу к выводу, что причина была в его вполне обоснованных опасениях за судьбу своего дела. Большинство раскрытых Гегелем понятий в то время были *непроходными!* Их нельзя было делать достоянием общества. Если бы их смысл стал доступен его современникам, то сам он подвергся бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства. Ему приходилось сознательно излагать свои мысли таким нарочито трудным языком, который позволял улавливать их суть лишь частично и по разрозненным фрагментам. По этой причине он почти нигде не использовал никаких примеров, а если и приводил их, то либо из далёкого прошлого, либо из далеко отстоящих областей.

6. Вот такая иезуитская дилемма стояла перед ним на протяжении всей его жизни. С одной стороны, работу по систематизации накопленных знаний уже пора было начинать делать. А значит, нужно было выстраивать последовательную вязь понятий и раскрывать смысл каждого из них. С другой стороны, излагать всё это требовалось таким языком, чтобы никто ничего толком не понял: время ещё не пришло для этого. С этой чудовищной спецификой своей работы Гегель столкнулся уже в самом начале своего творческого пути. Первым в его "Феноменологии духа" рассматривается понятие "*сознания*", о котором ещё вполне можно было говорить открытым текстом. Но буквально следующее за ним понятие "*самосознания*" уже ни в коем случае нельзя было излагать доступным языком. Оно было слишком революционным на тот момент, а значит, губительным для научной карьеры

¹ Труфанов С.Н. "Наука логики" Гегеля в доступном изложении – Самара, 1999.

Труфанов С.Н. Грамматика разума – Самара, 2003. Эта книга представляет собой доступное изложение всей "Энциклопедии философских наук" Гегеля.

Гегеля. (Понятие самосознания, с одной стороны, обосновывает необходимость разделения общества на классы и установления неравенства между людьми. Но, с другой стороны, оно же показывает, что данное неравенство имеет преходящий характер и ему на смену неминуемо придет всеобщее равенство.)

Можно только восхищаться силой духа этого человека, его верой в правоту и необходимость начатого им предприятия. Он не остановился. Он продолжил свою работу. Но ради этого ему пришлось на протяжении всей жизни балансировать на грани фола, раскрывать смысл понятий и тут же зашифровывать его. И то, что его труды не были уничтожены и дошли до нас в целостности и сохранности, надо рассматривать в первую очередь как его собственную заслугу. Достаточно вспомнить красноречивое название одной из книг его младшего современника Бруно Бауэра: "Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом". А что было бы, если бы он излагал свою науку доступным языком?!

7. Отсюда вытекают все те проблемы, с которыми сталкиваются читатели его произведений. Миллионы людей пытались просто доверчиво вчитываться в них. Сотни тысяч прилагали к этому дополнительные усилия, работая над более точным переводом. Задача же состояла в том, чтобы проявить смелость (или наглость) и самому войти в русло мысли Гегеля и самостоятельно повторить весь ход её развития. Не суть важно, в каком именно месте произойдёт такое вхождение, важно, чтобы у человека хватило интеллектуальных ресурсов и воли на то, чтобы проделать этот путь до конца. А эта задача предполагает совсем иной характер деятельности, чем при создании простого перевода. Здесь требуется длительный эмбриональный период работы мысли по проникновению в суть каждого параграфа его системы и постижению переходов между ними.

8. Таким образом, именно малопонятный язык, который вынужден был применять Гегель, позволил ему разработать всю его научную систему и сохранить её для потомков. Другого выхода у него не было. Точно также вынуждены были поступать и многие его современники. Известно, например, что Иммануилу Канту не единожды приходилось оправдываться за некоторые "сомнительные" положения своей философии. По этой причине он так же опасался излагать свои мысли доступным языком. А Людвиг Фейербах, который в 1830 г. анонимно опубликовал сочинение "Мысли о смерти и бессмертии", где позволил себе излишнюю ясность, расплатился за это тем, что был лишён права преподавания, а книга была конфискована. Только революции середины XIX века позволили философии существенным образом раскрепостить свой язык. (Однако они же принесли ей другую беду – заставили служить идеологии.)

9. Но вот что интересно. Создаётся впечатление, что многие позднейшие философы приняли этот малопонятный язык за чистую монету и в подражание великим сделала его нормой для себя. Однако в отличие от наследия самого Гегеля, за труднодоступной формой которого скрывается богатейшая мысль, в произведениях этих философов за ней скрывается, скорее, её отсутствие или очень скромное присутствие. В таком же духе продолжают писать и многие современные философы, для которых главное – малопонятный текст большого объёма. Что же касается наличия в нём мысли, то это, похоже, в наше время уже не считается необходимым условием.

г. Самара.

29 августа 2005 г.